

Дмитрий Аверкиев

Текущая литература

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Текущая литература

«“Петербургскія трущобы” имѣють огромный успѣхъ: всѣ жаждутъ прочесть этотъ дивный романъ, записываются за недѣлю въ библіотекахъ; всѣ наконецъ очарованы, восхищены. Въ одномъ сѣренькомъ листкѣ – названія мы не приводимъ собственно потому, что оно навѣрно неизвѣстно нашимъ читателямъ – объявлено даже, что романъ г. Крестовскаго произведение высоко-художественное и умретъ единственно вмѣстѣ съ русской литературой. Нѣтъ сомнѣнія, что это похвала ужь черезъ-чуръ усердная и что русской литературѣ не грозитъ опасность умирать въ подобномъ обществѣ. Но какъ-бы то ни было, романъ читается, приводитъ въ восхищеніе столичныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ барынь и барышень и ихъ чиновныхъ обожателей и законныхъ супруговъ. Все это показываетъ, что романъ г. В. Крестовскаго явленіе если не замѣчательное, то знаменательное...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I. Всякому по плечу	0005
II. Литературное шарлатанство	0040

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев
Текущая литература**

I. Всякому по плечу

По Сенькѣ и шапка.
Пословица.

Петербургскія трущобы. Романъ въ шести частяхъ. Соч. В. В. Крестовскаго. Отеч. Зап. X, XI, 64 и I, II, III, 65.

«Петербургскія трущобы» имѣютъ огромный успѣхъ: всѣ жаждутъ прочесть этотъ дивный романъ, записываются за недѣлю въ библіотекахъ; всѣ наконецъ очарованы, восхищены. Въ одномъ сѣренькомъ листкѣ — названія мы не приводимъ собственно потому, что оно навѣрно неизвѣстно нашимъ читателямъ — объявлено даже, что романъ г. Крестовскаго произведение высоко-художественное и умретъ единственно вмѣстѣ съ русской литературой. Нѣтъ сомнѣнія, что это похвала ужъ черезъ-чуръ усердная и что русской литературѣ не грозитъ опасность умирать въ подобномъ сообществѣ. Но какъ-бы то ни было, романъ читается, приводитъ въ восхищеніе столичныхъ, губернскихъ и

уѣздныхъ барынь и барышень и ихъ чиновныхъ обожателей и законныхъ супруговъ. Все это показываетъ, что романъ г. В. Крестовскаго явленіе если не замѣчательное, то знаменательное.

Что до насъ, то намъ вся дѣятельность г. В. Крестовскаго постоянно казалась весьма знаменательной. Сей писатель переживаетъ, такъ сказать, уже второй періодъ своей славы; первый онъ заключилъ своими великолѣпными «Испанскими мотивами», второй начался съ появленіемъ его новаго романа. Особенность г. В. Крестовскаго состоитъ въ томъ, что онъ договаривается до точки; онъ, такъ сказать, довершитель стремленій болѣе мелкихъ литературныхъ талантовъ. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что у г. Крестовскаго талантъ крупнаго разбора; но согласитесь сами, что онъ смѣлѣе въ картинахъ, остроумнѣе въ подробностяхъ, что его стихъ отличается извѣстной степенью бойкости и юркости, — ну, что вообще г. Крестовскій замѣчательнѣе напр. хоть г. Минаева. Пояснимъ. Первое — наши самоновѣйшіе поэты стараются перехитрить другъ друга на счетъ

риѣмъ: у кого почуднѣе будутъ. И въ этомъ отношеніи никто не превзошолъ г. В. Крестовскаго:

*Эта ножка, эта нѣга
Ихъ плѣняла съ давнихъ поръ:
И одинъ былъ – грандъ Ріега.
А другой – торреадоръ.*

Каковы риѣмы? Что передъ этимъ «Камбекъ» и «Вѣкъ», «аховъ» и «Страховъ», «городовъ» и «стадовъ», «поля» и «Поля» и т. п.? Ничтожество изъ ничтожествъ. Второе, кто изъ сей плеяды поэтовъ не рисовалъ грязныхъ и сальныхъ картинъ (подъ маской обличенія порока)? Но что значать всѣ «Проказы чорта на желѣзной дорогѣ» передъ описаніемъ чѣмъ занимались монахини въ горячую андалузскую ночь, или передъ образомъ поэта, лобзающаго трупъ? Ровно ничего. Тамъ несмѣлость и лживая маска обличенія, здѣсь крѣпко, какъ помада Мусатова, бьющій въ носъ аромат. Мы могли-бы продолжить это сравненіе, но полагаемъ, что и вышеприведенныхъ двухъ примѣровъ совершенно достаточно. Читателю очевидно, какое глубокое уваженіе питаемъ мы къ высокохудожествен-

нымъ (по выраженію сѣраго листка) произведеніямъ разбираемаго нами писателя.

Слава «Петербургскихъ трущобъ» далеко разнеслась за долго передъ появленіемъ этого драгоцѣннаго памятника русскаго слова. Если не ошибаемся, то еще года два тому назадъ было объявлено въ «Indépendance Belge», что вотъ-моль пишется такой романъ. Да не подумаютъ читатели, что предъидущими словами мы намекаемъ на пословицу: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Нѣтъ, мы просто напоминаемъ фактъ, который нѣкоторые могутъ быть запомнили. Далѣе, чтобъ познакомить публику съ своимъ новымъ произведеніемъ, грозный каратель пороковъ города св. Петра напечаталъ небольшой отрывокъ «Ерши». Отрывокъ этотъ заключалъ въ себѣ описаніе нѣкотораго мошенническаго притона; описаніе хотя часто внѣшнее, но небезынтересное. Особаго изученія въ немъ не было видно, но весь отрывокъ былъ замѣтно отдѣланъ. Не скроемъ отъ читателя, что если мудренія выраженія мошенническаго жаргона и придавали всей картинѣ

внѣшній колоритъ правды, то французская постройка сцены ясно обличала въ авторѣ неспособность уловить мѣстныя черты и особенности, которыя вѣроятно существуютъ-же. Ибо странно предположить, что петербургскіе мошенники до того начитались французскихъ романовъ, что и жизнь свою устроили по плану этихъ произведеній. Правда также, что и въ «Ершахъ» встрѣчались подробности вовсе неинтересныя, и какъ-бы заимствованныя изъ какого-нибудь фельетона. Таковы напр, старый плуть извощикъ, обучающій молодого какъ надувать хозяина, или бѣдный мужичокъ, который гнилой холстины отъ хорошей отличить не можетъ. Но у какого-же современнаго романиста не прорывается, хоть противъ воли, фельетонный пошибъ? У людей истинно-талантливыхъ онъ проглядываетъ, и частенько даже. Зачѣмъ-же быть особенно взыскательнымъ къ г. Крестовскому?

Но правда, но точность наблюденій, развѣ это не достоинство? Что это за правда и что это за точность – читатель увидитъ дальше. Предварительно замѣтимъ, что авторы, гро-

могласно и широковъщательно объявляющіе читателямъ, что ихъ сочиненія суть плоды долголтнихъ изученій и наблюденій, поступали-бы гораздо умнѣе, если-бы обращали вящее вниманіе на дѣловую сторону и не старались придавать своимъ замѣткамъ объ извѣстномъ бытѣ лжехудожественную ворму. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій дѣльный, безхитростный рассказъ гораздо лучше плохого романа и найдетъ не меньшій кругъ читателей. Но – увы! – авторы чаще разсуждаютъ иначе. Причина этому – недостаточное изученіе даннаго предмета, которое легко маскируется романическими украшеніями, и нелѣпое желаніе заинтересовать читателя. Читатель все еще является этимъ господамъ въ видѣ глупаго ребенка, котораго они и думаютъ потѣшать всевозможными нелѣпостями.

Изобилуетъ-ли романъ г. В. Крестовскаго этими украшеніями, или это хорошая дѣльная книга? Съ какой точки смотрѣть на нее? Что хотѣлъ сказать ею авторъ? По счастью намъ не придется разрывать всей сорной кучи романа, чтобы отыскать исходную точку автора. Намъ не нужно даже ожи-

дать конца роману. Предупредительный сочинитель вѣроятно не надѣялся, что по прочтеніи всего произведенія, его высокія цѣли станутъ ясны для читателя, а потому поспѣшилъ въ концѣ первой части объяснить свои возвышенныя намѣренія. И прекрасно. Мы станемъ смотрѣть на «Петербургскія трущобы» именно съ той точки, съ какой угодно г. автору.

Эпиграфомъ къ слову «Отъ автора къ читателю» стоитъ слѣдующее: «Не тотъ циникъ, который (почему не *кто?*) указываетъ на язвы грызуція общество; но тотъ циникъ, который, замѣчая эти язвы, часто даже прикасаясь къ нимъ, остается хладнокровнымъ ихъ зрителемъ». Очевидно, что въ первой половинѣ эпиграфа авторъ намекаетъ на себя, т. е. не желаетъ, чтобы его за циника приняли. Другого толкованія эпиграфу дать нельзя. Замѣтимъ только, что опредѣленіе: кто есть циникъ, сдѣлано не совсѣмъ вѣрно, ибо «указывать на язвы грызуція общество» можно совершенно цинически, напр. *можно любоваться картиной разврата собственнаго произведенія*. И этотъ послѣдній цинизмъ гор-

ше перваго.

Авторъ далѣе рассказываетъ, что многіе его друзья и знакомые, которымъ онъ читалъ свое сочиненіе въ рукописи, неоднократно спрашивали его: «неужели все это такъ, все это правда?» Немудрено, что такой вопросъ придетъ въ голову и читателямъ, и вотъ авторъ для того, чтобы увѣрить его «точно-ли это правда», рассказываетъ о томъ, какъ онъ задумалъ писать свой романъ. Оказывается, что признаніе свое г. В. Крестовскій почувствовалъ вслѣдствіе того необыкновеннаго происшествія, что «шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1858 г. на Сѣнной площади, ражій мущина, повидимому отставной солдатъ, билъ полупьяную женщину». Это служитъ новымъ подтвержденіемъ той великой истины, что малыя причины производятъ великія слѣдствія. Г. В. Крестовскій, вслѣдствіе вышеописаннаго происшествія, попалъ въ одинъ изъ «отвратительныхъ пріютовъ», гдѣ и узналъ урывками кое-что изъ жизни побитой женщины и ея товарокъ, но «черезъ (т. е. вѣроятно сквозь) эти урывки для него <нрзб> драма: – такая драма, въ которой «за человѣка

страшно становилось».

Какъ челоѡкъ просвѣщонный, г. Крестовскій задалъ себѣ нѣсколько важны-хъ вопросовъ (вопросовъ впрочемъ неновы-хъ); эти вопросы привели его къ порицанію «нашего общества, столь щедраго на филантропическіе возгласы, обѣды и теоріи». Порицаніе впрочемъ нѣсколько странное въ устахъ почтеннаго автора, потому что пришедшіе ему въ голову вопросы составля-ютъ только блѣдный отголосокъ «филантро-пическихъ возгласовъ, обѣдовъ и теорій». Ав-торъ сознается впрочемъ, что вопросы эти не онъ самъ выдумалъ, но онъ надѣется, что авось найдутся такіе читатели, которымъ «и въ голову они не приходили». Да увѣнчаются успѣхомъ сіи возвышенныя надежды.

Вопросы задалъ себѣ г. В. Крестовскій въ качествѣ челоѡка просвѣщоннаго: — въ ка-чествѣ челоѡка литературнаго, онъ тотча-съ-же принялся за писанье и окрестилъ свое произведеніе *Содержанкой*. Но путнаго, по сознанію самаго сочинителя, ничего не вы-шло, хотъ онъ работалъ съ жаромъ. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ задумалъ романъ изъ

жизни, которой еще не зналъ, ибо урывки страшной драмы не составляют знанія.

Это признаніе автора весьма характерно: онъ не потому началъ писать романъ, что у него накопились матеріалы, но потому началъ собирать матеріалы, что ему вздумалось написать романъ. И вотъ онъ началъ изучать петербургскую жизнь и ея типы «съ тѣхъ сторонъ, которыя оказывались пригодными, подходящими для его идеи». Какова собственно эта «его идея» авторъ, вѣроятно по скромности, не упоминаетъ, но надо подозрѣвать это идея – «написать романъ». Извѣстно всякому, что изученіе жизни только тогда удается, когда оно производится свободно, безъ всякой предвзятой мысли; что смыслъ жизни долженъ быть выведенъ изъ нея самой, и т. д. Но эти «идеи», какъ оказывается, были неизвѣстны г. Крестовскому. И мы вовсе не удивляемся, что «черезъ нѣсколько лѣтъ ѱподвольныхъ наблюденій», г. авторъ увидѣлъ ясно то, «что труппы кроются не исключительно около Сѣнной, что онъ весьма многообразны, и поэтому далъ своему роману его настоящее названіе». Въ самомъ дѣлѣ,

какое великое открытіе! Оно равноцѣнно извѣстнымъ выраженіямъ «вездѣ есть добрые и злые люди», или «и черезъ золото льются слезы», и т. п.

Да не подумаетъ читатель, что мы съ какой-нибудь задней мыслью останавливаемся такъ долго на послѣсловіи къ первой части романа г. Крестовскаго. Все это совершенно необходимо, чтобы по достоинству оцѣнить новое произведеніе болотной музы; если-бы мы слегка отнесли къ нему, то насъ навѣрно-бы укорили въ легкомысліи, пристрастіи и, чего добраго, даже въ зависти.

«Считаю долгомъ предварить:» – повѣствуетъ далѣе авторъ – «романъ этотъ отнюдь не обличеніе, или памфлетъ на личности; нить разказа и большая часть событій и эпизодовъ суть дѣло вымысла. Тѣ матеріалы, которые давала мнѣ жизнь, то есть все что я видѣлъ и слышалъ, послужили для меня только матеріалами (а чѣмъ-же еще матеріалы могутъ быть?); совокупность отдѣльныхъ явленій и фактовъ – жизненныхъ, юридическихъ и иныхъ – дала мнѣ возможность

сдѣлать нѣсколько типовъ. Я заботился только о томъ, чтобы въ этихъ картинахъ и типахъ была общая вѣрность нашей жизни. На сколько-же успѣю (очевидно романъ еще не конченъ) я сладить съ такою задачею – будетъ судить читающая масса и критика, если только она соблагоизволитъ отнестись къ моему роману критически, и т. д.
(От. Зап. X, 64, стр. 854 и 855).»

И такъ г. Крестовскій поставилъ себѣ задачу изобразить во всей ужасающей наготѣ порокъ, бѣдность и прочія несовершенства петербургской жизни и для этого вымыслилъ большую часть событій. Онъ опасался, чтобъ его романъ не былъ памфлетомъ, или вѣрнѣе сплетней. Посмотримъ, нѣтъ-ли въ немъ сплетней. Матеріалы послужили для него только матеріалами. Посмотримъ, какое зданіе онъ построилъ и что за матеріалы собралъ. Совокупность отдѣльных явленій и фактовъ дала ему возможность сдѣлать, какъ онъ выражается, нѣсколько типовъ. Сдѣлать очевидно по скромности употреблено вмѣсто создать; скромность странная у господина, ко-

торый завѣряетъ, что въ его произведеніи есть *типы*. А что если при провѣркѣ ихъ не окажется?

Кромѣ этихъ обѣщаній и хвастливыхъ завѣреній, выписанное нами мѣсто замѣчательно какъ обращикъ того, какъ наши такъ-называемые *реалисты* понимаютъ художественное дѣло. Первое – они совершенно отрицаютъ или по крайней мѣрѣ отодвигаютъ на самый задній планъ *внутреннюю* художественную силу. У нихъ главнымъ являются не художественныя силы, не владѣніе ими, – а собранные матеріалы. Какъ-бы чувствуя свое артистическое безсиліе, они упираютъ на то, что они наблюдали, изучали, раскапывали. Не въ наблюдаемомъ, а въ наблюдателѣ сила. По неволѣ вспомнишь восклицаніе Карляйля: «для Ньютона и ньютоновой собаки Даймонда – какія двѣ различныя вселенныя! а между тѣмъ на сѣтчатой оболочкѣ ихъ глазъ онѣ отражались совершенно одинаково, тожественно!» «Помилуйте, я видѣлъ это своими собственными глазами! я самъ это слышалъ!» – вотъ аргументы новѣйшаго реализма. Они забываютъ, что

смотрятъ и видѣть, слушать и слышать – двѣ вещи разныя. Для васъ это простой обломокъ кости, такого-то вида, такой-то длины и толщины, а для Кювье эта кость – ключъ къ цѣлымъ исчезнувшимъ мѣрамъ. Для васъ она имѣетъ извѣстное протяженіе и извѣстный вѣсъ, и больше ничего, а для великаго натуралиста она имѣетъ еще извѣстный смыслъ. Этого-то внутренняго пониманія, этого проникновенія въ смыслъ и не достаетъ нашимъ реалистамъ (художникамъ и философствующимъ – безъ различія). Художникъ калькируетъ природу и удивляется, какъ смѣютъ находить, что его изображеніе непохоже. Онъ замѣтилъ всѣ мелочи: какіе у человѣка глаза, и что онъ ходитъ слегка, почти незамѣтно, прихрамывая на лѣвую ногу и даже крошечный шрамъ на два съ половиной пальца выше праваго глаза, и даже то, что третья снизу пуговица на сюртукѣ немного криво пришита, – и думаетъ, что этихъ мелочей достаточно, что онъ нарисовалъ человѣка съ такимъ совершенствомъ, какого не знали старинные художники. И находятся поклонники такого безобразія, увѣряющіе,

что они видятъ не пародію, а живого челоуѣка. Живоу челоуѣкѣ, у котораго не достаеу бездѣлицы – «духа жива». Въ сущности такія изображенія представляютъ большія беспорядочныя кучи, гдѣ напичкано великое множество всякихъ ненужныхъ мелочей и подробностей; и въ этой кучѣ копошится до устали художникъ-муравей, перебирая и переставляя свое достояніе; ужъ онъ и такъ, и сякъ хлопочетъ, – а куча тѣмъ не менѣе остаеу все-таки одной безобразной кучей. Нѣтъ ничего мудренаго, что такой художникъ эту кучу считаеу самымъ главнымъ; онъ со всѣми своими наблюденіями и изученіями совершенно поглощаеу ею. И выходитъ, что не онъ владѣетъ матеріаломъ, а *матеріаль имъ владѣетъ*. Нѣкоторые, кажется, до того умилились передъ этимъ псевдореалистическимъ направленіемъ, что стали представлять публикѣ сырой матеріаль. И диви это дѣлали-бы люди бездарныя, – а то такія сильныя дарованія, какъ г. Писемскій, какъ-бы умышленно унижаютъ себя до званія собирателей анекдотовъ и печатаютъ «Русскихъ Лгуновъ»!

Всякій истинный художникъ прежде всего стремится выразить самого себя, святую святыхъ своей души. Если внутри человѣка нѣтъ ничего, что́-бы онъ могъ сказать другимъ людямъ, если въ немъ не сосредоточены силы, а напротивъ онъ самъ свое достоинство полагаетъ въ томъ, что въ состояніи замѣтить мелочи, и однѣ только мелочи, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, — то лучше такому человѣку оставить въ покоѣ искусство. Матеріаль такъ ничтоженъ передъ тѣмъ, что поэтъ создаетъ изъ него. Сравните трагедію о Гамлетѣ съ разсказомъ Саксона Грамматика! Шекспиръ видѣлъ въ немъ то, что скрыто отъ другихъ, — но то, что онъ видѣлъ, теперь ясно и открыто и понятно для всѣхъ, потому что въ поэтѣ была сосредоточена эта великая сила прозрѣвать въглубь, видѣть сокровенный смыслъ, — сила, которой въ извѣстной степени одарены всѣ люди. Оттого-то и дорогъ людямъ этотъ великій провидецъ. Не долженъ-ли всякій художникъ, какъ-бы малы ни были сравнительно его силы, стремиться къ этому? Не долженъ-ли онъ, способный нарисовать только *жанръ*, извѣстнаго (и сравни-

тельно ограниченнаго) рода картину, руководиться тѣмъ-же стремленіемъ?

И что-же мы видимъ? Это-то именно спасительное стремленіе и осуждается. Цѣнятся внѣшнія, несущественныя достоинства. Цѣнится то, что чѣловѣкъ смотрѣлъ, а не то: какъ и что онъ видѣлъ и есть-ли въ немъ сила видѣть что-нибудь кромѣ наружныхъ очертаній и наростовъ?

Всего забавнѣе, когда подобные собиратели матеріаловъ вздумаютъ втиснуть ихъ въ художественную форму. Это въ родѣ геометрій и химій въ стихахъ. Выходитъ нѣчто весьма безобразное, такъ-же относящееся къ искусству, какъ нелѣпость къ здоровой идеѣ.

И вотъ передъ нами опять вопросъ: отчего эти господа пишутъ безобразныя повѣсти и романы, а не хорошія дѣльныя книги? Отвѣтъ, кажется, долженъ быть такой: оттого, что дѣльную книгу написать такъ-же трудно, какъ и художественное произведеніе. Талантъ всегда нападаетъ на истинную дорогу, разъяснить себѣ къ чему онъ способенъ, — но не то съ посредственностью, которая состав-

ляетъ зерно нашей текущей литературы. Она никакъ не умѣетъ опредѣлиться, найти, какъ говорится, востокъ (оріентироваться). Оттого, вмѣсто дѣльныхъ учебниковъ, мы видимъ такое множество популярныхъ книжонокъ, гдѣ разныя присказки и побасенки составляютъ самую существенную часть. Оттого наши кропотливые наблюдатели никакъ не могутъ просто записать своихъ наблюдений, а хотятъ, въ что-бы то ни стало, *сдѣлать* изъ накопившихся матеріаловъ *типы*. Но – увы! – чтобы создать типъ, надо прежде всего имѣть способность къ этому. Наши реалисты слѣдуютъ мудрому изреченію: «чтобъ сдѣлать штуфать изъ зайца, надо сперва его поймать», забывая, что можно поймать зайца, но тѣмъ не менѣе не умѣть сдѣлать изъ него штуфата. Никакія старанія не помогутъ этому, сколько-бы вы «ни заботились о томъ, чтобъ въ картинахъ и типахъ была общая вѣрность нашей жизни», – отъ одной этой заботы путнаго ничего не произойдетъ. Синица также весьма большія старанія прилагала зажечь море, – да не зажгла.

И это называется правдой, реализмомъ?

Если въ этомъ правда, то тѣ, кто умѣетъ передразнивать пѣніе птицъ и жужжаніе ось, – великіе художники. Петербургскій чиновникъ надулъ уѣздныхъ взяточниковъ, – какой водевильный сюжетъ! Гдѣ тутъ долголѣтнія наблюденія, изысканія, желаніе изобразить этотъ случай именно такъ, какъ онъ произошолъ? И изъ этого выходитъ безсмертная комедія. Все общество узнаетъ себя въ этой геніальной картинѣ, общество, жившее ложью, забывшее внутреннюю правду, – и это все заключается въ этомъ водевильномъ сюжетѣ. Птицы строятъ какой-то небывалый городъ: Облакокукушкинъ – (Нефелококксигію) – и заранѣе торжествуютъ свою побѣду надъ безсмертными и смертными. Что за нелѣпость! И въ этомъ произведеніи божественнаго Аристофана люди узнаютъ себя! Должно быть есть правда выше фотографической правды; должно быть истинный реализмъ состоитъ въ вѣрности человѣческой природѣ, а не въ томъ, чтобы замѣтить сколько прыщей на лицѣ у Петра Ѳедоровича. Правда, у васъ будетъ въ выигрышѣ фактъ, что прыщей дѣйствительно столько-то, но только

этотъ фактъ и будетъ въ выигрышѣ, а болѣе ничего.

Теперь мы пригласимъ читателя полюбоваться на этотъ новый реализмъ. Въ романѣ г. Крестовскаго онъ доведенъ до точки, до *plus ultra*. Мы принуждены будемъ спуститься въ очень низменную сферу; мы должны будемъ принимать во вниманіе самыя пошлыя, обыденныя и затасканныя истины, которыя такъ называются собственно потому, что въ нихъ нѣтъ никакой истины; мы будемъ свидѣтелями самыхъ грязныхъ картинъ.

Весь романъ г. Крестовскаго состоитъ изъ премудрыхъ разсказовъ о томъ, какъ дѣвица разрѣшилась отъ бремени, какъ пала честная женщина вслѣдствіе пріема извѣстнаго состава въ чашкѣ кофе, какъ мужъ засталъ свою жену въ объятіяхъ управляющаго, какъ мошенники надули іезуита и т. п. Происшествія, какъ видите, необыкновенныя. И разсказаны они также необыкновенно и съ великими претензіями. Мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

Князь Шадурскій застаётъ свою супругу съ любовникомъ. Сцена.

«Онъ (князь) позабылъ себя отъ бѣшенства и вдругъ, въ отвѣтъ на укоризненное восклицаніе княгини, раздался хлесткій звукъ пощочкины.

Княгиня взвизгнула и навзничь грохнулась на полъ.

Шадурскій съ минуту постоялъ надъ нею, молча и холодно глядя на ея рыданія, и тихо вышелъ изъ будуара.

Онъ уже успѣлъ овладѣть собою.

– Сними съ меня эту перчатку! спокойно и твердо сказалъ онъ лакею, войдя въ кабинетъ свой.

Тотъ акуратно исполнилъ это экстраординарное приказаніе.

– Брось ее въ огонь! сказалъ онъ еще болѣе равнодушнымъ тономъ – и лайка тотчасъ-же затлѣлась въ пламени камина.

Князь чувствовалъ, что онъ «разыгралъ хорошо», что онъ долженъ быть необыкновенно эффектенъ и величественъ въ эту минуту.

Жалкій человѣчишко!.. онъ рисовался передъ самимъ собою своимъ quasi-байроновскимъ демонизмомъ!..

(О. З. X, 64, 829)».

Наше сожалѣніе не къ князю, а къ автору,

который такъ «разыгралъ хорошо» эту сцену и вѣроятно полагаетъ, что она необыкновенна эффектна и величественна. Выдумать такую нечеловѣческую сцену, сочинить небывалую нелѣпость, рассказать все это торжественнымъ слогомъ, гдѣ каждое слово отчеканено, и рисоваться своей наблюдательностію и изученіемъ передъ читателями, – вотъ по истинѣ вещь достойная сожалѣнія. Намъ особенно нравится это quasi-байроновское негодование на эту выдуманную самимъ авторомъ небылицу.

Перейдемъ къ воспитанію. Дѣло идетъ о сынѣ вышеназванной четы.

«Однажды на дачѣ, онъ далъ пощочину ровеснику своему, сыну садовника, за то, что тотъ не смѣлъ по его приказанію выдернуть изъ грядки какое-то растеніе. Княгинѣ Татьянѣ Львовнѣ (матери) это показалось ужь слишкомъ, и она пожелала внушить своему сыну примѣръ (примѣръ не внушаютъ, а показываютъ) христіанскаго смиренія.

– Проси у него прощенія! сказала она ему, подозвавъ обоихъ.

– У кого? съ удивленіемъ спросилъ
маленькій князекъ.

– У этого мальчика... ты его обидѣлъ,
и я требую, чтобъ ты просилъ
прощенія.

– Madame! vous oubliez que je suis le
prince Chadursky! гордо отвѣтилъ кня-
зекъ и, круто повернувшись, отошолъ
отъ матери. Княгиня ничего не на-
шла (т. е. не нашла) возразить про-
тивъ такого сильнаго и неоспаримаго
аргумента».

(От. 3. XI, 64, 21 и 22).

«И это говорилъ шестилѣтній ребенокъ!»
воскликаетъ авторъ. Успокойтесь, ни одинъ
ребенокъ никогда не говорилъ ничего подоб-
наго. Но у сочинителя засѣли разныя ходячія
мнѣнїя о вліяніи воспитанія и онъ взду-
малъ воспользоваться ими въ романѣ и тѣмъ
доказать современность своихъ убѣжденій.
Объ томъ-же князекѣ рассказывается какъ у
него сдѣлалась горячка, когда сынъ садовни-
ка поколотилъ его, и вообще такъ обставляет-
ся его дѣтство, что вы думаете, что этотъ че-
резъ-чуръ самолюбивый мальчикъ – лордъ
Байронъ. Успокойтесь, это просто фактъ пер-

вой руки. О воспитаніи-же говорится почти то-же, что въ «Гувернерѣ», комедіи г. Дьяченко.

Мы могли-бы привести еще множество подобныхъ мѣстъ для показанія, какъ г. Крестовскій дѣлаетъ свои типы. Но хорошаго по немножку. И потому пропускаемъ ростовщика Морденку, «сдѣланнаго» по образцу множества ростовщиковъ и скупцовъ, описанныхъ въ комедіяхъ и романахъ, — благочестивую чету, представляющую пародію на «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ», — квартальнаго надзирателя, который говоритъ мошеннику: «именемъ закона — я васъ арестую», и т. п.

Не обратимъ также вниманія ни на ужасающій французскій языкъ, которымъ выражаются аристократы, — ни на великое знаніе мошенническаго жаргона, къ которому авторъ относитъ выраженіе *трактирный завсегдатый*, встрѣчающееся у Гоголя.

Описавъ какую-нибудь небылицу, авторъ производитъ восклицанія въ родѣ двухъ вышеприведенныхъ. Эти восклицанія напоминаютъ намъ гоголевскаго Собачкина, кото-

рый, выдумавъ исторію какъ одна барыня высъкла своего мужа, начинаетъ негодовать на нее: «Говорятъ: образованная женщина, учить дѣтей поанглійски! Какое – просто сѣчоть каждый день мужа, какъ кошку!»

И то сказать, коли рисовать злодѣевъ, такъ рисовать! Кутить, такъ кутить!

Остановимся еще на одной картинѣ. Это паденіе честной женщины. Г-жа Бероева изображена авторомъ идеаломъ жены: обучаетъ дѣтей, ведетъ хозяйство, страстно любитъ мужа, – и она падаетъ. И какъ обставлено это? Мужъ уѣзжаетъ, у жены не хватаетъ денегъ. Опытная хозяйка, часто живущая съ дѣтьми одна, не знаетъ что дѣлать, гдѣ достать денегъ, гдѣ заложить вещи. За ней уже слѣдятъ: генеральша фонъ-Шпильце – то-же что гётевская Марта – зорко ждетъ, нельзя-ли ее уловить въ свои сѣти. Черезъ горничную Бероевой она узнаетъ, что та въ нуждѣ, и является покупать у нея вещи. Г-жа Бероева очень рада. Эта высоконравственная женщина не поняла, даже смутно, кто явился къ ней; ее не оттолкнуло отъ генеральши даже инстинктивное чувство отвращенія, которое всякая

мало-мальски порядочная женщина непременно обнаружитъ къ личности, подобной генеральшѣ. Генеральша отговаривается тѣмъ, что позабыла деньги, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и приглашаетъ г-жу Бероеву заѣхать къ ней завтра утромъ и т. д. У генеральши г-жу Бероеву угощаютъ кофеемъ; неожиданно является молодой Шадурскій и генеральша исчезаетъ. Конечно на другой день г-жа Бероева получаетъ отъ мужа по почтѣ деньги. Но не въ этомъ дѣло; у автора цѣль была другая. Что за важность, – пусть рассказано все это не совсѣмъ ладно, – ему главное описать дѣйствіе «чашки кофе». Вотъ это безстыжее и глупенькое, по литературнымъ цѣлямъ автора, описаніе:

«Князь продолжалъ болтать, но Бероева не слышала и не понимала, что говоритъ онъ. Съ нею дѣлалось что-то странное. Щоки горѣли необыкновенно яркимъ румянцомъ; ноздри разширились и нервно вздрагивали, какъ у молодой лошади подъ арканомъ; всегда свѣтло-спокойные голубые глаза вдругъ засверкали какимъ-то фосфорическимъ блескомъ и орбиты[1] ихъ то

увеличивались, то смыкались на мгновение заволакивая взоры истомной, туманной влагой, чтобъ тотчасъ-же взорамъ этимъ вспыхнуть еще съ большею силой. Въ этихъ чудныхъ глазахъ свѣтилось теперь что-то вакханическое. Изъ полураскрытыхъ, воспаленно-пересохшихъ губъ съ трудомъ вылетало порывистое, жаркое дыханіе: его какъ-будто захватывало въ груди, гдѣ такъ сильно стучало и съ такимъ щекотнымъ ощущеніемъ замирало сердце. Съ каждымъ мгновеніемъ эта экзальтація становилась сильнѣе и сильнѣе – и въ нѣсколько минутъ передъ Шадурскимъ очутилась какъ-будто совсѣмъ другая женщина. Отъ порывистыхъ, безотчетныхъ метаній головой и руками волоса ея пришли въ безпорядокъ и тѣмъ еще болѣе придали красотѣ ея сладострастный оттѣнокъ. Она хотѣла подняться, встать, – но какая-то обаятельная истома приковывала ее къ одному мѣсту; хотѣла говорить – языкъ и губы не повиновались ей болѣе. Въ послѣдній разъ смутно-мелькнувшее сознание заставило ее

обвести глазами всю комнату: она какъ будто искала генеральшу, искала ея помощи и въ то-же самое время ей почему-то безотчетно хотѣлось, чтобы ея не было, чтобъ она не приходила. И точно: генеральша не показывалась больше. Одинъ только Шадурскій, переставшій уже болтать, глядѣлъ на нее во всѣ глаза и, казалось, дилетантски любовался на эту опьяняющую, чувственную красоту.

Но вотъ онъ поднялся съ своего кресла и пересѣлъ на диванъ, рядомъ съ Бероевой. По жиламъ ея пробѣгало какое-то адское пламя, передъ глазами ходили зелено-огненные круги, въ ушахъ звенѣло, височныя голубоватыя жилы налились кровью и нервическая дрожь колотила всѣ члены.

Онъ взялъ ея за руку – и въ этотъ самый мигъ, отъ одного этого магнетическаго прикосновенія, – жгучая, бѣшенная страсть заговорила во всѣмъ ея тѣлѣ. Минута – и она, забывъ стыдъ, забывъ свою женскую гордость, и вся внѣ себя, конвульсивно сцѣпивъ свои жемчужные зубы, съ какимъ-то истомно-замирающимъ во-

племъ, сама потянулась въ его объятія...

Долго длился у нея этотъ экстазъ, и долго смутно ощущала и смутно видѣла она, словно въ чаду, черты Шадурскаго, пока наконецъ глубокой, обморочный сонъ оковалъ ея члены». (О. З. XI, 64, 61 et seq.)

Много намъ случалось читать циническихъ описаній, но такого задорного – никогда. Что передъ этимъ фельетонъ нѣкотораго путешественника по Испаніи, съ необыкновенной подробностью описавшаго морскую болѣзнь. Что передъ этимъ сцена изъ нѣкоторой англійской трагедіи, гдѣ описываются на-голо всѣ мученія голода; сцена, ради ея циничности, цитируемая Лессингомъ въ его «Лаокоонъ». Самые игривые пѣсни и романы Поль-де-Кока и Пиго-Лебрена цѣломудрены въ сравненіи съ этимъ. Да что – даже «Испанскіе мотивы» самого г. В. Крестовскаго, – невинность передъ этимъ.

Сочинитель, вслѣдъ за выписаннымъ нами мѣстомъ, прибавляетъ:

«Въ тотъ-же самый вечеръ

проигравшій свое пари Петька угощаль Шадурскаго ужиномъ у Дюссо и съ циническимъ ослабленіемъ, слушаю столь-же циническій разсказъ молодого князя, провозглашалъ тостъ за успѣхъ его побѣды.»

Нѣтъ, какъ-бы ни изобиловалъ разсказъ молодого князя непечатными словами, онъ не могъ быть циничнѣе описанія самого автора. Вотъ гдѣ истинныя трущобы — это въ извращеніи человѣческихъ инстинктовъ. Быть можетъ это *реально* и *вѣрно*, но мѣсто этому въ медицинской книгѣ. Да вотъ еще что: ни одинъ медикъ въ свѣтѣ не станетъ съ такимъ сомауслажденіемъ описывать болѣзненные припадки, любоваться безстыдно на нихъ и на свое описаніе. Нѣтъ, говоря словами Гамлета, «глаза безъ осязанія, осязаніе безъ зрѣнія, уши безъ рукъ и глазъ, одно обоняніе, или даже хотя слабый остатокъ какого-нибудь настоящаго чувства не могъ-бы на столько оцѣпенѣть», чтобы допустить человѣка сколько-нибудь нравственно-здороваго до подобныхъ описаній.

«Быть можетъ кто-либо найдетъ»,

говоритъ г. Крестовскій въ знамени-
томъ послѣсловіи къ 1-й части своего
романа, — «что изображеніе этихъ
язвъ слишкомъ цинично и даже небла-
гопристойно. Что-жъ дѣлать, таковъ
ужь предметъ, избранный мною. Въ
этомъ случаѣ я могу отвѣтить толь-
ко словами покойнаго Помяловскаго:
«если читатель слабъ на нервы и въ
литературѣ ищетъ развлеченія и эле-
гантныхъ образовъ, то пусть онъ не
читаетъ мою книгу. Докторъ изуча-
етъ гангрену, опрѣделяя вкусы самыхъ
мерзкихъ продуктовъ природы, жи-
ветъ среди труповъ, однако его никто
не называетъ циникомъ, и т. д.»
(От. З. X, 64, 856).

Какая гордая самоувѣренность! Не слова
Помяловскаго надо-бы привести. Надо-бы ска-
зать: «если читатель имѣетъ хотя слабый
остатокъ эстетическаго чувства и въ лите-
ратурѣ ищетъ чего-нибудь кромѣ грубаго
развлеченія и элегантно-развратныхъ образо-
въ, то пусть не читаетъ мою книгу». Тогда-бы
дѣло понятно было и въ эпиграфѣ не зачѣмъ
было-бы опредѣлять кто есть циникъ. Докто-
ра никто не станетъ обвинять за то, что онъ

изучаетъ гангрену, — но если-бы докторъ, воротясь изъ больницы, сталь съ засосомъ и «циническимъ ослабленіемъ» рассказывать въ обществѣ о видѣнныхъ имъ мерзостяхъ, то его навѣрно-бы попросили выйти вонъ. Въ литературѣ попросить вонъ нельзя; тамъ произведеніямъ, подобнымъ роману г. Крестовскаго, мѣсто на заднемъ дворѣ вмѣстѣ съ «Физиологіями» Дебе, «Уликами пылкой женщины» и произведеніями въ родѣ «la Justine» маркиза Сада, которыя молодой князь Шадурскій читалъ когда ему было не болѣе двѣнадцати лѣтъ.

Этимъ мы могли-бы закончить нашу статью, но вотъ еще замѣчаніе: г. Крестовскій оговариваетъ, что въ его сочиненіяхъ нѣтъ личностей. Зачѣмъ-же онъ помѣстилъ въ III № «Отечественныхъ Записокъ» (сцена въ театрѣ) сплетню, которая еще недавно ходила по городу, слегка измѣнивъ имена дѣйствующихъ лицъ?

О, наши грозные каратели пороковъ! о, грошовые Ювеналы! Me Apollo!

*Воробьи, держа въ когтишкахъ
Полкопѣчныя свѣчки,*

Корчатъ Зевсова орла!

Но спросятъ насъ: неужели романъ г. Крестовскаго имѣеть огромный кругъ читателей? Справьтесь у книгопродавцевъ, и вы убѣдитесь, что мы правы. Впрочемъ и Дебе имѣеть огромный кругъ читателей. Да и чему удивляться? Мало-ли посѣтителей у г. Ефремова, отчего-же не быть читателямъ у г. Крестовскаго?

Есть-же охотники до «la Justine» и говорятъ за такія книжонки деньги большія платятъ. Чтожь? Если г. Крестовскій опишетъ еще нѣсколько порочныхъ дѣйствій столь-же завлекательно, какъ дѣйствіе «чашки кофею», то и за его романъ со временемъ большія деньги заплатятъ.

Впрочемъ, и что всего досаднѣе – это то, что маркизь де Садъ былъ не де Садомъ очевидно по болѣзни, можетъ быть приобрѣтенной развратомъ, но во всякомъ случаѣ органически разстроившій челоѵческую природу свою и дошедшій чрезъ это до звѣрскаго образа и до сумасшедшаго дома, куда запряталъ его Наполеонъ I; но г. Крестовскій старается быть нашимъ рус-

скимъ маркизомъ де Садомъ вовсе не по органическому разстройству природы своей. И мы потому утверждаемъ такъ навѣрно, что имѣемъ неоспоримыя тому доказательства въ необыкновенной холодности всѣхъ сладострастныхъ произведеній г. Крестовскаго. Несмотря на всѣ очевидныя старанія его прослыть сладострастнымъ писателемъ, — ничего нѣтъ холоднѣе г. Крестовскаго какъ литератора, — ничего нѣтъ бездарнѣе и придуманнѣе его Испанскихъ мотивовъ (сцена съ трупомъ, двѣ монашенки ночью и проч. и проч.) и всѣхъ его прочихъ сладострастныхъ изображеній. Убѣдившись въ этой холодности автора, какъ литератора, по его произведеніямъ, мы заключаемъ, что г. Крестовскій за недостаткомъ настоящей оригинальности, но чтобъ во что-бы то ни стало прослыть оригинальнымъ, хладнокровно и разсчитливо выбралъ себѣ цѣлью сладострастіе и упорно возится съ нимъ, чтобъ пріобрѣсть этимъ способомъ извѣстность, славу и литературную честь. Нѣтъ, ужь по нашему лучше быть настоящимъ, органически-разстроеннымъ де Садомъ, чѣмъ литера-

турнымъ де Садомъ по расчоту. Это ужь перещеголяло самого де Сада и мы только изъ уваженія къ почтенному автору назвали давеча такую цѣль «глупенькою...» Впрочемъ – «чешись тотъ, у кого чесотка». Мы вмѣстѣ съ поэтомъ повторяемъ:

*Что ни время, то и птицы,
Что ни птицы, то и пѣсни,
Я-бы ихъ охотно слушалъ,
Кабы мнѣ другія уши.*

II. Литературное шарлатанство

Стыдъ не дымъ: глаза не выѣсть.
Пословица.

Байронъ въ переводъ русскихъ поэтовъ, Изданномъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Томъ I, II, III. Спб. 1864 и 1865 г.

Донъ-Жуанъ, поэма Байрона. Пѣснь первая. Переводъ Дм. Минаева. Современникъ, 65, I.

Г. Гербель, какъ извѣстно, издалъ Шиллера въ переводъ русскихъ поэтовъ. Изданіе весьма удачное и имѣвшее большой успѣхъ. Самъ г. Гербель имѣетъ впрочемъ только ограниченное право на этотъ успѣхъ. Шиллеръ былъ почти весь переведенъ, когда г. Гербелю вздумалось издавать его. Переводы если не всѣ были образцовые, то всѣ были сдѣланы добросовѣстно: переводчики знали Шиллера въ подлинникъ и хорошо владѣли стихомъ. Нашлись талантливые сотрудники, и между ними Л. А. Мей; его переводы «Пуншевой

пѣсни», «Валенштейнова лагеря», «Дмитрія Самозванца» и др. навсегда останутся образцовыми.

Другое дѣло представлялось относительно Байрона. Здѣсь была очевидная скудость переводовъ: удачныхъ было немного, были переводы просто-на-просто недобросовѣстные. Издателю предстоялъ огромный трудъ. Ему надо было приискать талатливыхъ сотрудниковъ; ему надо было быть крайне осмотрительнымъ въ выборѣ переводовъ. Если-бы мы прибавили, что *редактору* слѣдовало самому быть хорошо знакомымъ съ Байрономъ, изучить его въ подлинникъ, составить себѣ полное и вполнѣ опредѣленное понятіе объ этомъ великомъ поэтѣ, – то конечно это немало удивило-бы читателей: они могли-бы въ правѣ обвинить насъ за то, что мы съ важнымъ видомъ знатока говоримъ такія общеизвѣстныя истины.

Но, увы! – ни что такъ часто не забывается, какъ общеизвѣстныя истины. Такъ и выше-приведенная истина забыта редакторомъ «Байрона въ переводѣ русскихъ поэтовъ». Въмѣсто дѣльной самостоятельной статьи о

Байронъ, г. Гербель ограничился помѣщеніемъ довольно поверхностной статьи Шера и выписками изъ статьи лорда Маколя, когда-то переведенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Статья благороднаго лорда нельзя сказать, чтобъ принадлежала къ его лучшимъ статьямъ, а выписки, сдѣланныя г. Гербелемъ, нисколько не объясняютъ даже взгляда Маколя на Байрона. Благородный лордъ «не сомнѣвается, что послѣ самаго строгаго изслѣдованія отъ Байрона останется еще многое, что можетъ погибнуть только вмѣстѣ съ англійскимъ языкомъ». Увѣренность весьма похвальная, но къ несчастію никому нѣтъ дѣла до этой увѣренности; вопросъ именно состоялъ въ томъ, чтобы опредѣлить, что останется и что нѣтъ, *fas* и *nefas* Байроновой поэзіи, а этого-то опредѣленія нѣтъ даже и слѣдовъ въ статьѣ Маколя.

Успѣхъ «Шиллера» окрылилъ г. Гербеля и онъ понялъ, что «русская читающая публика нуждается въ полныхъ переводахъ великихъ иностранныхъ писателей и готова поощрить своимъ вниманіемъ всякую добросовѣстную къ тому попытку». Попытка не шутка, а тѣмъ

болѣе добросовѣстная. Г. Гербель въ теоріи весьма ясно понималъ, что значитъ эпитетъ «добросовѣстная». Именно, «онъ задумалъ раздѣлить трудъ перевода между нѣсколькими писателями, изъ которыхъ каждый выбралъ-бы для передачи на русскій языкъ то, что наиболее согласуется съ его талантомъ и направлениемъ.» Чего-же лучше? Конечно модное слово *направленіе* употреблено не совсѣмъ кстати, — ну да не всякое лыко въ строку. При этомъ заботливый издатель не хотѣлъ забывать и прежнихъ переводчиковъ, «которыми многое передано уже въ достаточной степени совершенства».

Сказать по правдѣ, самое большое что мы ожидали въ началѣ отъ этого изданія, — это *посредственнаго* перевода Байрона. Мы того мнѣнія, что русская литература вообще мало занималась Байрономъ, что предварительное изученіе этого поэта весьма недостаточно. Было конечно время, когда Байронъ былъ у насъ извѣстнѣе, но оно уже быльемъ поросло. Новѣйшая наша литература такъ усердно разрывала всякую связь съ предъидущей, такъ нахально издѣвалась надъ самыми дорогими

именами, — что воспоминаніе объ изученіи Байрона для нея почти немислимо. Что-же будетъ, если представители этого самоновѣйшаго направленія наложатъ свою руку на Байрона? А это, какъ увидимъ, уже совершившійся фактъ. При томъ эта самоновѣйшая литература весьма небогата поэтическими дарованіями и мы въ правѣ сказать,

*Что нашихъ дней изнѣженный по-
этъ
Чуть смыслитъ свой уравнивать
куплетъ.*

Намъ казалось, что поэтическому переводу Байрона долженъ предшествовать хорошій *прозаическій*.

Но какое кому дѣло до нашихъ надеждъ и ожиданій: переводъ Байрона на лицо. Передъ нами три первые тома. Изданіе весьма замѣчательное: первые два тома совсѣмъ непохожи на третій. По первымъ двумъ можно сказать, что изданіе порядочное (не больше, впрочемъ); имя третьему — литературное шарлатанство. И вотъ намъ приходится объ одномъ и томъ-же изданіи вести двѣ разныя

рѣчи.

Первый томъ открывається «Еврейскими мелодіями», какъ-бы въ доказательство того, что полнаго хорошаго поэтическаго перевода Байрона въ настоящее время у насъ быть не можетъ. Слѣдовало-бы собрать то, что хорошо переведено стихами, а въ случаѣ недостатка удачныхъ поэтическихъ переводовъ предложить переводъ прозаическій.

«Еврейскія мелодіи» отличаются необыкновенной граціей стиха и образовъ; необыкновенно тонкой, едва уловимой поэзіей. Нѣкоторые образы нарисованы такой нѣжной кистью, что мало-мальски грубая передача превратитъ прелѣстнѣйшее стихотвореніе въ очень обыкновенные, если не пошлые, альбомные стишки. Это случилось какъ нарочно съ пьесой, которой открывается книга «She walks in beauty». Представлено два перевода. Одинъ г. Михайловскаго, другой г. Н. Берга. Первый отличается стараніемъ передать ближе подлинникъ и совершенной антипоэтичностью; второй есть скорѣе варьяція на байроновскую тему; варьяція, въ которой не уловлена внутренняя

красота подлинника. Возьмемъ для примѣра
второй куплетъ. Вотъ подстрочный переводъ:

*«Одной тѣнью больше, однимъ лучомъ
меньше – и на половину пропала-бы
эта невыразимая словами прелесть;
прелесть, которая струится въ каж-
дой пряди черныхъ, какъ вороново кры-
ло, волосъ и нѣжно свѣтится въ ея
лицѣ, гдѣ мысли ясно и кротко-нѣжно
выражаютъ, какъ чисто, какъ
драгоценно ихъ обиталище!»*

У г. Михайловскаго:

*И много граціи своей
Краса-бы эта потеряла,
Когда-бы тѣмы подбавить къ ней,
Когда-бъ луча не доставало
Въ чертахъ и ясныхъ и живыхъ,
Подъ черной тѣнью косъ густыхъ.*

У г. Н. Берга:

*Однимъ лучомъ, одною тѣнью
болѣ —
И безыменной нѣтъ уже красы,
Что сладостно покоилась дотолѣ
Въ волнахъ ея изнѣженной (?) косы
И на челѣ возвышенномъ сіяла,*

*Гдѣ кроткая и тихая мечта
Таинственно (?) для смертныхъ
начертала,
Что свѣтлая скрижаль ея чиста.*

Не правы-ли мы были въ нашемъ приговорѣ объ обоихъ переводахъ? Можно-ли при передачѣ поэтическаго образа употреблять такія аптекарскія выраженія:

*Когда-бы тьмы подбавить къ ней,
Когда-бъ луча не доставало?*

То-же можно сказать и о всѣхъ другихъ переводахъ «Еврейскихъ мелодій». Хорошихъ на перечотъ четыре (Лермонтова, Случевскаго, гр. А. Толстого, Мина); прочіе даже звучнымъ стихомъ не отличаются. Этого мало: зачѣмъ было стихотвореніе А. Н. Майкова «По прочтеніи Байронова Паденія Іерусалима» выдавать за переводъ? Это недобросовѣстно и по отношенію къ поэту и по отношенію къ публикѣ. Еще бѣда: изъ двадцати-двухъ стихотвореній восемь переведено самимъ г. Гербелемъ и нѣкоторыя изъ нихъ однимъ г. Гербелемъ. Отчего г. Гербелю было и не побаловаться немного? Ну, ограничился-бы

пародіей на переводъ гр. А. Толстаго, и довольно-бы, – а то онъ самолично вздумалъ передавать Байрона. Авторъ стихотворнаго посланія «Изюмцамъ» и пѣвецъ Манфреда, – что общаго между ними? Любопытно сравнить пародію г. Гербеля съ прекраснымъ переводомъ гр. А. Толстаго.

У гр. Толстаго.

*Ассиріане шли, какъ на стадо
волкі:
Въ багрянцѣ ихъ и въ златѣ сіяли
полки;
И сіяли ихъ копья далеко окрестъ,
Какъ въ волнахъ галилейскихъ
мерцаніе звѣздъ.*

Какой славный стихъ! Въ немъ такъ и слышится движеніе огромной массы войска! Какъ хорошо и поэтически-вѣрно переданы образы подлинника:

*The Assyrian came down like the wolf
on the fold
And his cohorts were gleaming in
purple and gold u m. d.*

А вотъ пародія г. Гербеля:

*Какъ волки не стадо, враги
набѣжали...
Ихъ орды багрянцемъ и златомъ
сіяли...
Какъ на морѣ звѣзды, горѣли мечи,
Когда ихъ (?) волна отражаетъ въ
ночи (!).*

Это неуклюжее стараніе употребляютъ библейскіе образы, эта грамматическая галиматья послѣднихъ двухъ стиховъ – по истинѣ уморительны. Мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи сдѣлать еще маленькую выписку изъ «Видѣнія Вальтасара». Надѣмся, что читатели на насъ за это не посядутъ.

*.... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отъ роду ты ничего
Не слыхивалъ! Слѣпой скрипачъ
въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипа-
ча,
Чтобъ угостить тебя его искус-
ствомъ.*

И вотъ слѣпецъ начинаетъ разыгрывать «Видѣніе Вальтасара». Послушайте, развѣ неуморительно!

Царь пируетъ и вдругъ, но впрочемъ у
г. Гербеля это не вдругъ, а неизвѣстно какъ:

*Тогда средь праздничнаго зала
Рука явилась предъ царемъ:
Она сіяла и писала,
Какъ на песокъ береговомъ (?);
Она сіяла и водила
По буквамъ огненнымъ перстомъ.
И словно огненнымъ (?) жезломъ,
Тѣ (какіе?) знаки дивные чертила.*

Картина преуморительная. И сіяла и писала, и опять сіяла и водила по буквамъ и въ тоже время чертила эти самыя буквы! Господи, чего только ни дѣлала эта рука! Повтореніе эпитета «огненный» и ужасная грамматическая галиматья, произведенная страшной рукой, – верхъ комизма. Въ томъ-же комическомъ родѣ продолжается и далѣе:

*И видя грозное видѣнье,
Владыка выронилъ бокаль (?);
Лицо померкло на мгновенье (?)
И громкій (?) голосъ задрожалъ.*

Болѣе неудачныхъ эпитетовъ не всякому удастся подобрать. Это стоитъ «Орфея въ Аду» и тому подобныхъ пародій.

Какая простота и образность въ подлинникѣ. Нарисовавъ картину пира, поэтъ продолжаетъ:

«Въ тотъ-же часъ и въ томъ-же чертогѣ персты руки явились передъ стѣной и стали писать какъ будто на песокъ. Человѣческіе персты; – одинокая рука быстро рисуетъ буквы и чертитъ ихъ, какъ жезлъ. Царь увидѣлъ и задрожалъ – и приказалъ прервать веселье. Ни кровинки въ его лицѣ, дрожитъ его голосъ».

Очевидно у г. Гербеля есть средства издавать Байрона, но нѣтъ средствъ даже посредственно переводить. И выходитъ, что лучше быть хорошимъ издателемъ, чѣмъ плохимъ переводчикомъ. Въмѣсто своего плохого перевода, г. Гербелю приличнѣе-бы помѣстить стихотвореніе Полежаева «Валтасаръ»; хотя это и не переводъ, но оно вѣрнѣе передало-бы впечатлѣніе Байрона, чѣмъ такъ называемый переводъ «русскаго поэта» г. Гербеля.

Скажемъ теперь о другихъ переводахъ первыхъ двухъ томовъ этого изданія; между ними есть очень хорошіе, напр. «Шильонскій

узникъ», «Паризина», «Мазепа». Если не всё они сдѣланы равно удачно и иногда не совсѣмъ точно передаютъ подлинникъ, — то во всѣхъ найдутся вѣрно схваченныя и прекрасно переданныя черты Байроновой поэзи.

Переводы г. Зорина (Сарданапаль и Двое Фоскари) сдѣланы весьма добросовѣстно. Мы можемъ только сожалѣть, что они сдѣланы не въ прозѣ. Стихъ у г. Зорина, пожалуй, и правильный, но по большей части вялъ и прозаиченъ. Вотъ почему, не смотря на вѣрность и добросовѣстность перевода, онъ читается нѣсколько тяжело. Нѣтъ этого непрестаннаго одушевленія, нѣтъ той причудливой восточной изнѣженности, которая по временамъ слышится въ стихѣ Байронова Сарданапала. Но во всякомъ случаѣ такими переводами, какъ г. Зорина, брезгать нельзя. Если-бы весь Байронъ былъ такъ переведенъ, какъ Сарданапаль и Двое Фоскари, то не только тужить было-бы не о чемъ, а напротивъ — радоваться слѣдовало-бы.

Но вотъ выходитъ третій томъ и въ немъ — «Чайльдъ Гарольдъ» въ переводѣ г. Минаева. Къ этому-то тому собственно и относится

заглавіе нашей статьи. Отличились оба, и переводчикъ и издатель. Если переводы г. Гербея представляютъ пародію на Байрона и только смѣшны, — то переводы г. Минаева... Но скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ дѣятелѣ россійской словесности, дѣятелѣ весьма плодовитомъ, но можетъ быть не вполне извѣстномъ нашимъ читателямъ. Спеціальность музы г. Минаева — обличеніе; сперва онъ обличалъ г. Камбека, водопроводы, рысаковъ, — а потомъ обличилъ тѣхъ, кто обличалъ г. Камбека, водопроводы и рысаковъ. Такимъ образомъ его можно назвать самообличоннымъ обличителемъ. Г. Минаевъ объявилъ однажды, что пушкинскій стихъ теперь общее достояніе, — но это не мѣшаетъ ему писать стихи, гдѣ невѣрные эпитеты, плеоназмы и грамматическія ошибки на каждомъ шагу, а также уснащать свои вирши частицами «вѣдь, ужь, лишь» и тому подобными пособіями плохихъ стихотворцевъ. Далѣе — г. Минаевъ пародировалъ всѣхъ русскихъ поэтовъ отъ Пушкина до г. Плещеева, — но обыкновенно выходило, что его пародіи болѣе походили на печальныя подраженія

какой-нибудь плачевной музы, чѣмъ на пародіи. Случалось ему и самому сочинять стихи, но – увы! эти стихи скорѣе походили на плохія пародіи, чѣмъ на самостоятельныя изліянія глубокогражданской поэзіи. Его эпиграммы переносятъ насъ въ первую четверть текущаго столѣтія и по большей части представляютъ перифразъ слѣдующаго общеизвѣстнаго четырехстишія:

*Какое имя хочешь дай
Своей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой,
но только Петръ великій
Ее не называй.*

Напримѣръ:

*№ 1. Скажу вамъ краткій панегирикъ (?);
Къ чему смѣшить весь божій міръ,
Къ чему твердитъ всѣмъ: я сатирикъ,
Когда вы только лишь (уснащеніе)
) – сатиръ.*

№ 2. Сей трудъ ученыхъ, бакалавровъ,

Учителей, профессоровъ,
За то стяжаетъ много лавровъ,
Что издвигалъ его Лавровъ.

№ 3. Испанцы намъ во многомъ
пара;
Испанцевъ чтитъ народецъ (?) [2]
нашъ,
Поетъ въ романсахъ *tia cara* (по
итальянски),
И даже (уснащеніе) русскій эки-
пажъ (?)
Имѣетъ прозвищъ: гитара.

Очень, очень игриво!
Вотъ еще отрывокъ:

Разъ проселочной дорогою
Ѣхалъ я, – передо мной
Брелъ съ котомкою убогою
Мужичокъ какъ лунь съдой.
На ногахъ лаптишки смятыя (?),
Весь съ заплатами (т. е. въ запла-
тахъ) армякъ.
Вѣрно доля небогатая
Тебѣ выпала, бѣднякъ!

«Тѣбѣ» очень хорошо, а вотъ другой:

*Новаго года лишь (опять лишь!)
вспыхнетъ денница,
Съ ранняго утра (плеоназмъ)
проснется столица.
Въ праздничный день никого не
смутитъ (почему?),
Стонетъ-ли вътеръ, иль вьюга
крутитъ. и т. д.*

Но, скажетъ читатель: для чего вы выпи-
сываете эти безобразныя вирши? А вотъ по-
трудитесь узнать, который изъ двухъ выпи-
санныхъ отрывковъ: — пародія, а который
серьезное стихотвореніе?

Заключаемъ: г. Минаевъ не есть бездар-
ность полная, но та жалкая посредствен-
ность, которая хуже всякой бездарности. Ка-
къ она ни бьется, ничего у нея не выходитъ.
Хочетъ пародію написать, выйдетъ плохое
стихотвореніе; свое задумаетъ изобразить,
выйдетъ пародія; остроту вздумаетъ отпу-
стить, плоско выйдетъ; вмѣсто веселости воз-
буждаетъ зѣвоту; не знаетъ — похвалить или
посмѣяться, и чаще *надсмѣхается*, потому въ
этомъ великій разумъ полагаетъ. Бьется,
бѣдная, какъ рыба объ ледъ, а ничего добить-

ся не можетъ. Важности на себя напускаетъ ужасной; хорошія слова выучила: о сознаниі, тяготѣннїи зла и протестъ поговорить умѣетъ.

А каково самолюбіе? Вотъ послушайте:

«Какой-нибудь присяжный критикъ или рецензентъ, крошечное самолюбіе котораго гдѣ-нибудь задѣто въ этой книгѣ, – говоритъ г. Минаевъ въ предисловіи къ изданію своихъ писаній, – критикъ, изъ юмористическихъ стихотвореній признающій только помѣщенныя въ хрестоматіи Галахова эпиграммы на скупцовъ, волокитъ и т. д., такой критикъ можетъ-быть съ гнѣвомъ воскликнетъ: какая необходимость была издавать всѣ эти полемическія ривмы и т. д. и т. д.»

Хотя насъ вѣроятно и задѣлъ г. Минаевъ какой-нибудь эпиграммой, а не задѣлъ, такъ задѣнетъ, но мы гнѣвно не воскликнемъ. Гнѣваться не за что. И вопроса такого намъ даже въ голову никогда не можетъ придти. Отвѣтъ на это давнымъ-давно готовъ: не только нѣтъ надобности издавать подобные стишки, но и писать ихъ не слѣдуетъ; лучше

чьмъ-нибудь полезнымъ заняться. Но что дѣлать? Посредственность вездѣ протрется. Напрасно только она нынче въ предисловіяхъ старается разжалобить читателя; вонъ г. В. Крестовскій тоже Лазаря распѣваетъ. Напрасно, напрасно: нашъ вѣкъ безжалостный и безсердечный. И то наша литература слишкомъ долго терпѣла всякія нахальства. Пора-бы давно прихлопнуть всю эту пустошь и мелочь. Пора очистить литературную атмосферу отъ міазмовъ. Ужъ очень они величаться стали; чуть не за ароматы себя выдають.

И такъ сей-то г. Минаевъ наложилъ руку на Байрона. Можетъ-быть читателю уже извѣстны открытія, сдѣланныя нѣкоторыми журналами въ переводѣ «Чайльдъ-Гарольда.» Такъ Б. д. Ч. обратила вниманіе на то, что Карѳагенъ, по переводу г. Минаева, очутился въ Италіи. На это переводчикъ отвѣчалъ, что у него стояло:

Тамъ пали стрѣлы Карѳагена,

а наборщикъ набралъ:

Тамъ были стѣны Карѳагена.

Премудреные нынче завелись наборщики. Во всемъ они виноваты: вмѣсто Калятафими набирають Кастельфидаро (см. «Голосъ»), и всегда наберуть точно нарочно для показанія невѣжества автора. Выйдетъ грамматическій смыслъ и въ то-же время ужасная бессмыслица. Мы не удивимся, если теперь какой-нибудь авторъ напечатаетъ, что въ рукописи его статья или переводъ былъ очень хорошъ, а наборщикъ такъ набралъ, что вышло скверно. Такъ и съ г. Минаевымъ: наборщикъ такъ набралъ его переводъ, что просто читать нельзя. Экой шалунъ наборщикъ!

Что стѣны Карѳагена — пустяки! «Отечественныя Записки» въ одной IV пѣсни открыли, что по переводу г. Минаева Понтъ Эвксинскій превратился чуть-ли не въ горный пикъ, Двина въ Дунай; что онъ Трояна и Трою смѣшалъ; нимфу Эгерію назвалъ прелестнымъ уголкомъ и т. д. Тамъ-же приведено курьозное описаніе смерти дельфина (см. «О. З.», 65, Февраль, II). Мы въ свою очередь возьмемъ хоть третью пѣсню и заранѣе увѣрены, что откроемъ въ ней дива дивныя. Напр. въ строфѣ XXXVII находимъ слѣдующіе

СТИХИ:

*Давно-ли слава за тобой
Слѣдила льстивою Весталкой.*

Что за диво? Съ какой стати весталка названа льстивою? У Байрона никакой весталки нѣтъ, а слава названа *вассаломъ* (thy vassal).

Или стр. XVIII.

*Надъ этою печальной нивой,
Взрывая бѣшено песокъ,
Упалъ орелъ властолюбивый
И отъ ударовъ изнемогъ.*

Куда упалъ орелъ? Не на печальную ниву онъ упалъ, а надъ нею; гдѣ-же онъ взрывалъ песокъ? Но это еще ничего. До сихъ поръ думали, что паукъ тчотъ паутину, а нынче оказывается, что сама

паутина ткеть узоръ (XLVII).

Не говоримъ уже о безпрестанныхъ грамматическихъ ошибкахъ, о «въ» вмѣсто «на», ни объ ужасныхъ риѳмахъ, вродѣ:

*Лишь пробуждаетъ содраганье
Во мнѣ жизнь шумныхъ городовъ,*

*Нѣтъ въ міръ злѣе наказанья,
Какъ быть овцой людскихъ стадо-
въ;*

ни о стихахъ, которые могутъ соперничать съ продуктами г. Овчинникова, напр. что лучше:

*И сердце, подымая грудь,
Казалось хочетъ вонъ прыгнуть
(!?)*

или слѣдующее двестише изъ перевода 2 части Фауста:

*Васъ-бы, жизненочки,
Я цалавнуль?*

Стоить-ли заниматься раскапываніемъ этой безобразной кучи? Еще подумаютъ, что мы нарочно отыскиваемъ нелѣпости к г. Минаева, а отыскивать ихъ вовсе не нужно. Возьмемъ напр. II строфу всѣхъ четырехъ пѣсенъ и посмотримъ, осталось-ли хоть малое подобіе Байрона въ переводѣ г. Минаева.

II строфа 1 пѣсни.

Байронъ.

Во время оно на островѣ Альбіонѣ жилъ

юноша, который не находилъ услажденія въ путяхъ добродѣтели, но расточалъ дни свои въ самомъ грубомъ распутствѣ и съ весельемъ раздражалъ сонливое ухо ночи. Увы! по истинѣ это былъ безстыдный паренъ, сильно предававшійся попойкамъ и непристойнымъ кутежамъ; на немногое на землѣ милостиво смотрѣлъ онъ, кромѣ наложницъ, да плотоугодныхъ собраній, да роскошнаго бражничанья всякаго рода.

Quasi-переводъ г. Минаева.

*Въ странѣ туманной[3] Альбіона
Жилъ прежде (чего? или кого?)
юноша; онъ былъ
Вполнѣ шалунъ (!) дурного тона,
Который (?) оргіи любилъ,
Надъ добродѣтелью смѣялся,
Разгуламъ ночи посвящалъ,
И все, съ чѣмъ въ жизни онъ
встрѣчался,
Онъ (2-й разъ) равнодушно отвергалъ,
И жилъ, поклонникъ
наслажденій,
Не зная дѣла и трудовъ,
Среди вакхическихъ пировъ,*

*Среди любовныхъ походовъ,
И только отдыхъ (отчего?) нахо-
дилъ
Въ кругу любовницъ и кутиль.*

Единственное сходство, что и Чайльдъ Гарольдъ и «шалунъ» (это слово изъ жаргона камелій очень мало) предавались разврату. Г.Минаевъ не только успѣлъ въ этой строфѣ сдѣлать нѣсколько грамматическихъ ошибокъ, но кромѣ того изъ Чайльдъ сдѣлалъ посѣтителя Ефремова. Обличитель всегда обличителемъ останется. Нечего и говорить, что ни тонъ, ни размѣръ, ни намѣренно-старинный слогъ поэта не переданы, – кто думать о такихъ мелочахъ?

II строфа 2 пѣсни.

Байронъ.

Ветхая деньми! царственная Аѳина! гдѣ, гдѣ твои мощные люди, гдѣ твои великіе духомъ? Прошли – мерцающіе сквозь сонъ былова – передовыми на ристалищѣ, которое ведетъ къ метѣ славы; они взяли призъ и исчезли, – и это все? Школьный рассказъ, быстро-преходящее удивленіе! Напрасно ищутъ

(здѣсь) оружіе воина и столу мудреца; и надъ каждой полуразвалившейся башней, тусклой отъ тумана вѣковъ, еще носится съдая тѣнь былой мощи.

Quasi-переводъ г. Минаева.

*Афины – старецъ величавый!
Твоихъ героевъ древнихъ нѣтъ (неужели?)
Они явились въ міръ (?) съ славой,
Прошли съ побѣдой (?)... Гдѣ ихъ слѣдъ?
Вся эта слава для того-ли,
Чтобъ древнимъ подвигамъ добра
Подчасъ дивился въ скромной школѣ
Досужій (?) разумъ школяра?
Героя мечъ, софиста тогу (?)
Здѣсь межъ развалинъ не найдемъ;
Подъ тьмой вѣковъ могильнымъ сномъ
Здѣсь все сковалось понемногу,
И даже тѣни (?) прежней нѣтъ
Могущества прошедшихъ лѣтъ.*

Есть-ли у г. Минаева какое-нибудь подобіе Байрона? Сохраненъ-ли хотя одинъ образъ

подлинника? Хотя одна мысль передана-ли правильно? Замѣчательно единственно превращеніе греческой столы въ римскую тогу и выходка противъ классическаго образованія, выраженная эпитетомъ «досужій?» Отчего это меча нельзя найти подъ развалинами? Выписывая эту вторую строфу изъ изданія г. Гербеля, мы нечаянно взглянули на начало третьей и здѣсь наткнулись на такой курьозъ, что не можемъ не выписать:

Встань челоѡкъ одной минуты!

(?)

На эту урну посмотри:

Здѣсь вѣжды націи сомкнуты, (!?)

Боговъ распались алтари.

Какъ вы думаете, что это за челоѡкъ одной минуты? Что означаетъ вся эта бессмыслица? У Байрона:

Сынъ востока, встань! Приблизься! Подойди, – но не нарушай покоя этой беззащитной урны; взгляни на это мѣсто – гробницу народа, жилище боговъ, на чьихъ алтаряхъ уже погасъ огонь.[4]

Теперь II строфа 3 пѣсни.
Байронъ.

И вотъ снова я на морѣ! еще разъ! А подо мною скачуть волны, какъ конь, знающій своего Ыздока. Привѣтствую ихъ рѣвъ! Пусть несутъ они меня, куда-бы ни лежалъ путь! Пусть дрожитъ какъ тростникъ натянутая мачта, пусть разорванный парусъ, трепещущій, носится крѣпкимъ вѣтромъ, – все-же я долженъ идти впередъ: ибо я похожъ на морскую поросль, брошенную со скалы на пѣну океана, и которая должна плыть повсюду, куда-бы ни забросила ее волна, куда-бы ни погнало дыханіе бури.

Quasi-переводъ г. Минаева.

*Я снова въ (!) морѣ. Мимо, мимо
(?)
Какъ кони прыгаютъ, валы...
Привѣтъ вамъ, волны! Несдержимо (?)
Бѣгите въ даль вечерней мглы (?)
Пусть мачты въ бури (?)
заскрипѣли,
Изорванъ парусъ... труденъ путь,
Я понесусь впередъ безъ цѣли,*

*Я долженъ плыть куда-нибудь.
Я, какъ и по́росли морскія,
Лечу капризно (!) по волнамъ —
Куда, зачѣмъ не знаю самъ,
Пока волнами на пески я,
Разбитый бурю пловецъ,
Не буду брошенъ наконецъ.*

Переводъ столь прелестенъ, что въ комментаріяхъ не нуждается.

II строфа 4 пѣсни.

Байронъ.

Она (Венеція) смотритъ только-что вышедшей изъ океана морской Цибелой, величаво возвышаясь въ воздухъ, въ тіарѣ гордыхъ башень, правительница морей и всѣхъ морскихъ силъ. И такою она была: ея дочери получали въ приданое добычу съ народовъ, и неисчерпаемо-богатый Востокъ лилъ въ ея лона искрящіеся потоки драгоценныхъ камней; она была одѣта въ пурпуръ, на ея пирахъ возсѣдали монархи и считали, что это возвышаетъ ихъ достоинство.

Quasi-переводъ г. Минаева.

Она является Сибелой,

*Съ тіарою среди (?) кудрей,
Съ осанкой царскою и смѣлой,
Богиней гордою морей.
Всѣхъ (?) дочерей ея приданнымъ
Востокъ богатый награждалъ
И перлы (?) ей дождемъ неждан-
нымъ (?)
Онъ на колѣни (!) высыпалъ (?).
Она подъ пурпуромъ блистала,
Дивила роскошью весь міръ;
Она къ себѣ на пышный пиръ
Не разъ монарховъ созывала (?)
И каждый царь, какъ самъ народъ
(какой?),
Всегда цѣнилъ такой почетъ.*

Мы выбрали II-ую строфу каждой пѣсни, но могли-бы выбрать вмѣсто II-ой пятую, десятую, или какую угодно, и все-таки пришли-бы къ тѣмъ-же результатамъ. Если-бы не сыпался дождь, то можетъ быть лился-бы песокъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вообще «Странствія Чайльдъ-Гарольда» въ quasi-переводѣ г. Минаева являются «Странствіями присяжнаго поставщика сатирическихъ стишковъ». Фельетонный тонъ, бессмыслица грамматическая и логическая, измѣненіе смысла

ради риѣмы, – все это дѣлають «Странствія» до того утомительными, что врядъ-ли кто дочтетъ ихъ до конца. Намъ случилось слышать отзывы лицъ, нечитавшихъ Байрона въ подлинникъ, – «ну ужъ вашъ прославленный Байронъ! Это просто фельетонный болтунъ!» Таковымъ онъ и является въ переводѣ «русскаго поэта» г. Минаева.

Сей-же «русскій поэтъ» помѣстилъ въ № 1 «Современника» за нынѣшній годъ переводъ первой пѣсни «Донъ-Жуана», переводъ отличающійся тѣми-же достоинствами, какъ и переводъ Чайльдъ-Гарольда. Здѣсь вы откроете также не мало курьезовъ. Напр. (стр. IX) про отца Жуана, дона Хозе, названнаго Жозе, говорится, что онъ былъ

Готическій испанскій дворянинъ.

Вы конечно не сразу догадаетесь, что это такое обозначаетъ «готическій дворянинъ». У Байрона сказано, что донъ Хозе вель свой родъ отъ самыхъ настоящихъ «готскихъ» предковъ. Но г. Минаеву неизвѣстно, вѣроятно, какъ Готы попали въ Испанію, а слово «Gothic» означаетъ также и готическій.

Или въ стр. XVII про мать Жуана говорится:

*А нравственность Инессы... здѣсь,
казалось,
Лишь масло Макассара съ ней рав-
нялось.*

Какъ масло можетъ равняться нравственности? Что за бессмыслица? Дѣло въ томъ, что макассаровое масло называется «incomparable oil», «l'huile incomparable», «ни съ чѣмъ несравнимое масло», и Байронъ въ шутку говоритъ: «ничто земное не смогло превзойти ея добродѣтелей, кромѣ твоего «ни съ чѣмъ несравнимаго» масла, Макассаръ!»

Донъ Жуанъ написанъ октавами и отличается необыкновенной веселостью, неподдѣльнымъ остроуміемъ, всегда нечаянными сравненіями, неожиданными рифмами, которыя заставляютъ васъ хохотать на каждомъ шагу. Нѣчто въ родѣ того представляютъ октавы «Домика въ Коломнѣ». Донъ Жуанъ, хотя-бы хорошо переведенный, но не октавами, потеряетъ наполовину.

Нечего и говорить, что г. Минаевъ, столь плохо владѣющій стихомъ, не совладалъ «съ тройнымъ созвучіемъ»; нечего и говорить,

что грошовой остроуміе литературнаго надсмѣшника не въ силахъ предать юмора Байроновой поэзіи. Напр. Байронъ шутливо говоритъ про дона Хозе – «всадникъ лучше его никогда не садился на лошадь, а если и садился, то никогда не спѣшивался», а г. Минаевъ передаетъ это такъ:

Онъ на конѣ сидѣлъ какъ властелинъ!

Попоробуемъ опять сличить нѣсколько строфъ. Напр. I. У Байрона:

*Мнѣ нуженъ герой: необыкновенное желаніе,
Когда что ни годъ, что ни мѣсяць
является новый,
Пока, – по насыщеніи газетъ всякой ложью, —
Вѣкъ (нашъ) открываетъ, что онъ
не настоящій;
Такихъ мнѣ не стоитъ воспѣвать,
А потому беру (въ герои) нашего
старога друга Донъ-Жуана —
Мы всѣ видѣли, какъ въ пантомимѣ
Его отравили ко всѣмъ чертямъ,
– немного преждевременно.*

У г. Минаева.

*Герой мнѣ нуженъ. Странно, мо-
жетъ быть (?),
Его искать, когда на бѣломъ
свѣтѣ
Мы постоянно можемъ находить
(?)
Героя дня воспѣтаго (?) въ газетѣ,
Который нынче – лаврами по-
крытъ,
А завтра челоѳчествомъ за-
бытъ;
Въ герои брать такихъ людей не
стану,
А прямо перейду я къ Донъ-Жуану.*

Почему-же прямо? Вся соль первой строфы
такимъ образомъ совершенно утрачена.

Или Х.

У Байрона.

*Его (Донъ-Жуана) мать была учо-
ная дама, славная
Въ каждой отрасли всякой
извѣстной науки,
Название которой когда-либо бы-
ло произнесено на*

какомъ-нибудь христіанскомъ
языкѣ;
Ея добродѣтели могли срав-
ниться единственно съ ея
остроуміемъ;
Она пристыжала самыхъ
свѣдущихъ людей
И заставляла рычать добрыхъ
отъ внутренней зависти,
Потому что они чувствововали,
сколь превзойдены
Въ своихъ спеціальностяхъ всѣмъ,
что она ни дѣлала.

Что осталось отъ этого шуточного и мила-
го описанія въ слѣдующихъ стихахъ г. Минае-
ва?

Жуана мать была посвящена
Во всѣ тогда (когда?) извѣстныя
науки,
Строга къ себѣ, солидна и умна.
Отъ зависти ломали[5] жоны (!)
руки,
Когда (!) она ихъ стала
затмѣвать
И превосходствомъ явнымъ пора-
жать.
Всѣ женщины съ отчаяньемъ

шептали,
Что отъ нее во всемъ они отста-
ли.

Возьмемъ черезъ пять строфъ, XV.

У Байрона.

*Иныя женщины рѣжутъ языкомъ:
она смотрѣла наставленіемъ,
Каждый глазъ – проповѣдь, бровь –
поученіе;
Она была во всевозможныхъ ве-
щахъ сама для себя вполнѣ удо-
влетворительнымъ духовникомъ,
Какъ оплакиваемый покойный
сэръ Самуэль Ромилли,[6]
Истолкователь закона, исправи-
тель государства,
Котораго самоубійство было по-
чти аномаліей —
Еще одинъ грустный примѣръ,
что «все суэта»
(А присяжные объявили его сума-
шедшимъ),[7]*

А у г. Минаева.

*Языкъ для женщинъ – средство къ
болтовнѣ (?!),*

Она-же, имъ владѣя очень строго,
Профессоромъ прослыть могла
вполнѣ (sic),
Какъ Ромилы, прославившійся
много,
Законникъ и учоный (откуда сіе
извѣстно?) человекъ.
Самоубійствомъ онъ окончилъ
вѣкъ,
Въ гробу успокоеніе нашедши (!),
И (?) судъ рѣшилъ, что былъ онъ
сумасшедшій.

Пропустимъ еще пять и возьмемъ ХХ.

У Байрона.

Но донья Инесъ, при всѣхъ ея до-
стоинствахъ,
Была високаго мнѣнія о своихъ
прекрасныхъ качествахъ;
И въ самомъ дѣлѣ, нужно быть
святымъ, чтобы снести
пренебреженіе,
И такой (святой) она въ самомъ
дѣлѣ и была по своей морали;
Но у нея былъ чертовскій харак-
теръ,
И часто она смѣшивала

*дѣйствительность съ
фантазіями
И рѣдко пропускала случай
Заставить своего «благовѣрнаго»
попасть въ просакъ.*

У г. Минаева.

*Умѣя высоко себя цѣнить,
Обиды ни передъ кѣмъ не обнару-
жа (!),
Жена могла (!) съ терпѣніемъ сно-
сить
Пренебреженье вѣтреннаго мужа,
Но въ ней (у нея) характеръ очень
былъ хитеръ (!),
Она, ведя учоный длинный споръ
,
Спускалась иногда къ житейст-
кой прозѣ,
Заставъ въ расплохъ беспечнаго
Донъ-Жозе.*

– Но довольно, довольно! кричитъ чита-
тель. – Избавьте насъ, ради Бога, отъ этихъ
безсмысленныхъ виршей!

И намъ кажется, что довольно. Всѣ строфы
отличаются такою-же точностью и таки-
мъ-же смысломъ. Теперь нравоученіе:

Мы понимаемъ, почему «Современникъ» помѣстилъ quasi-переводъ Донъ-Жуана и почему «Русское Слово» помѣщало и Чайльдъ-Гарольда. Сіи два органа русской словесности презираютъ искусство и всяческими словами поносятъ великихъ поэтовъ. Для нихъ quasi-переводъ г. Минаева – кладъ; этимъ переводомъ они вѣроятно думали отвадить російское юношество отъ изученія Байрона, явивъ его пустымъ фельетоннымъ болтуномъ. Но какъ эта безстыжая поддѣлка могла попасть въ изданіе Байрона? Очень просто: г. Гербель вѣроятно на столько-же знакомъ съ Байрономъ и англійскимъ языкомъ, какъ и г. Минаевъ. Мы советуемъ г. Гербелю издать свои и минаевскіе переводы Байрона, присовокупивъ къ онымъ переводъ 2-й части Фауста г. Овчинникова подъ заглавіемъ «Образцовыхъ переводовъ». Можно впрочемъ и другое заглавіе придумать, болѣе поучительное, напр. «Образцы, какъ не слѣдуетъ переводить. Руководство для борзописателей».

Г. Гербель объявилъ, что онъ издаетъ Шекспира. Что если выборъ будетъ такой-же, какъ и Байрона? Что если самъ издатель взду-

маеть перевести что-нибудь? Что если г. Минаевъ наложитъ руку и на Шекспира? Что до г. Гербея, то мы вполнѣ увѣрены, что онъ станетъ переводить именно: «Love's Labour's Lost» и боимся, что все издание можно будетъ назвать «Editor's Labour's Lost».

Дм. Аверкіевъ.

Примечания

Неужели орбиты? Извѣстно-ли г. опытному наблюдателю, что такое орбита? Пародируя Пушкина, мы скажемъ: какое плохое знаніе анатоміи, но за то какой задоръ!

[^^^]

2

Это тоже родъ уснащенія, вмѣсто – *народъ*. Ну ужь народецъ эти новомодные поэты! *Невольный каламбуръ*.

[^^^]

Лучше-бы «коварной».

[^^^]

4

Пересматривая корректуру, мы наткнулись на новый курьозъ. Далѣе, въ той-же III строфѣ у г. Минаева говорится:

Нѣтъ, не безсмертны даже боги:
Упалъ (*sic*) Юпитеръ, Магометъ.

И такъ Магометъ обоготворень гяуромъ г. Минаева, что-то скажутъ объ этомъ правовѣрные?

[^^^]

5

По грамматическому смыслу слѣдовало-бы сказать: *стали ломать*.

[^^^]

Членъ парламента.

[^^^]

7

Неожиданная рифма: «Vanity» (суэта) и «Insanity» (сумасшествіе).

[^^^]